

Критико-библиографическая замѣтка.

Кіево-Печерскій монастырь, какъ культурный центръ до-
ингольской Россіи Л. К. Гётца. *Das Kiever Höhlenkloster,
s Kulturzentrum des vormongolischen Russlands von Dr.
Leopold Karl Goetz a. o. Universitäts—professor in Bonn.
Passau. 1904. Стр. XXXIV+242¹⁾.*

Кіево-Печерскій монастырь по справедливости зани-
маетъ выдающееся мѣсто въ ряду иноческихъ обителей право-
славной Россіи. Такое положеніе его создалось на почвѣ не
только исторической традиціи, но и дѣйствительнаго
вѣрованія, какое имѣлъ въ исторіи Россіи этотъ монастырь.
Кіево-Печерскому монастырю принадлежитъ пальма первен-
ства въ ряду всѣхъ русскихъ монастырей—существовав-
шихъ прежде и нынѣ существующихъ не только потому,
что онъ былъ дѣйствительно первымъ монастыремъ въ Рос-
сию времени своего происхожденія, но также и по суммѣ
духовнаго блага, какое онъ принесъ русскому народу и
кое неизмѣримо превосходятъ заслуги всѣхъ другихъ позднѣй-
шихъ русскихъ монастырей на пользу русскаго народа и го-
сударства. Наши слова никому не будутъ казаться преувели-
ченіемъ, если мы напомнимъ время и обстоятельства исто-
рическихъ, при которыхъ возникъ и служилъ церкви и обще-
ству Кіево-Печерскій монастырь. Позднѣйшіе наши мона-
хи, безъ сомнѣнія, сослужили великую службу для рус-
скаго народа. Это бесспорно... но никогда не должно забы-

¹⁾ Рефератъ, читанный 26 сентября 1904 г. въ Историческомъ Обществѣ
при Лѣтописца при университетѣ св. Владимира.

вать, что всѣ наши позднѣйшіе монастыри трудились на полѣ, уже отчасти воздѣланномъ, или, по крайней мѣрѣ, очищенномъ отъ сорныхъ травъ. Первоначальники же Кіево-Печерскаго монастыря были первыми ратаями на русскомъ полѣ, первыми работниками на поприщѣ духовнаго образованія и воспитанія русскаго народа въ самомъ широкомъ, даже всеобъемлющемъ смыслѣ этого выраженія. Позднѣйшіе монастыри русскіе, даже тѣ изъ нихъ, которымъ волею Божіею было указано трудиться въ необитаемыхъ странахъ великой Россіи, среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, имѣли уже предъ собою готовый образецъ въ видѣ жизни и дѣятельности первоначальнаго русскаго монастыря—Кіево-Печерскаго. Этотъ примѣръ значительно облегчалъ ихъ трудъ, особенно въ нравственномъ отношеніи. Заслуги и слава Кіево-Печерскаго монастыря воодушевляли позднѣйшихъ русскихъ иноковъ въ ихъ высокомъ служеніи обществу, возбуждали и усиливали ихъ энергію, освѣщали имъ путь къ великой цѣли ихъ призванія.

Особенно поразительна всеобъемлемость подвига и служенія, которыми приобрѣлъ себѣ пальму первенства среди русскихъ иноческихъ обитателей и создалъ свою славу Кіево-Печерскій монастырь. Всѣ позднѣйшіе русскіе монастыри прославились своею дѣятельностію преимущественно на одномъ какомъ-либо поприщѣ: или учительномъ, или просвѣтительномъ, или благотворительномъ, или церковно-политическомъ. Кіево-Печерскій монастырь, особенно въ первый періодъ своего существованія, былъ одинаково славенъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Онъ былъ тогда истиннымъ средоточіемъ христіанско-просвѣтительной дѣятельности среди русскаго народа, *центромъ всей русской христіанской образованности (культуры)*.

Обстоятельства времени поставили Кіево-Печерскому монастырю эту высшую и всеобъемлющую задачу, которую онъ былъ призванъ исполнить. Если-бы онъ не выполнилъ

в исторіи русскаго народа такъ же мало замѣченнымъ, какъ это случилось съ сотнями другихъ древне-русскихъ монастырей, о которыхъ мы иногда не знаемъ ничего, кромѣ одного имени. Но онъ исполнилъ свою миссію и тѣмъ явилъ себѣ неуязвимую славу...

Кіево-Печерскій монастырь возникъ и расцвѣлъ на зарѣ христіанской жизни русскаго народа. Христіанство затѣло нашихъ предковъ на самой низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ, лежалъ русскій славянинъ-язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти. Всѣ его вѣрованія состояли въ грубомъ обожаніи силъ и явленій видимаго міра. Мѣлологія его была крайне бѣдна и неразвита. Въ языческое время среди русскихъ славянъ существовала полная тупость въ нравственныхъ отношеніяхъ. Господствовали мѣчай мести, выражавшійся въ жестокихъ, нерѣдко отвратительныхъ явленіяхъ. Было весьма слабо развито уваженіе къ личности, праву собственности и значенію власти. Однимъ словомъ, въ языческое время и на зарѣ христіанства среди русскихъ славянъ далеко еще не сложился опредѣленный характеръ жизни общественной и семейной.

Все это должна была сдѣлать христіанская вѣра. Соединивъ съ мирнымъ характеромъ русскаго народа и принявъ имъ добровольно, она произвела полный переворотъ не только въ религіозной, но и въ умственной и нравственной жизни его. (Не одинъ истинный свѣтъ богопознанія она ввела въ темную жизнь нашихъ предковъ, но вмѣстѣ съ нимъ и лучший гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго.

Проводниками новыхъ высокихъ христіанскихъ идей народную массу были преимущественно иноки. Важнѣе значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ Кіево-Печерскій монастырь. Его иноки были лучшими носителями и

народа по началамъ христіанства. Кіево-Печерскій же монастырь, какъ пристанище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ тревоженій обыденной жизни, стремились къ осуществленію законовъ добра и правды, скоро привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе русскихъ людей. Иноки его не чуждались дѣятельности практической, которая могущественно способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, здѣсь списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ собирались люди высоко образованные, по своему времени, развитые болѣе другихъ. Они могли дать добрый и мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни всякому посѣтителю и страннику, разрѣшить затрудненіе въ извѣстныхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ, или выгодахъ, но о высшей цѣли человѣческой жизни, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Вѣдѣше просвѣщенные неопиты христіанства большею частію хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, руководились личными расчетами и нерѣдко употребляли, для выполненія ихъ, неправду, обманъ, хитрость и насилія. Въ монастырь, наоборотъ, народъ, собиравшійся сюда, видѣлъ добровольныя ограниченія и лишенія, презрѣніе къ богатству, страшную борьбу съ личными желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ здѣсь правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и высшимъ благомъ. Взглядъ на эту особенную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря, а строгіе уроки, осуществлявшіеся въ жизни древнихъ монаховъ, поражали воображеніе и побуждали къ возможному подражанію.

Вообще на встрѣчу древне-русскому богатырю, гордому своею физическою силою, изъ древне-русскаго монастыря выходитъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, сіющій величіемъ нравственнаго подвига, окруженный, какъ

ореоломъ, славою торжества духа надъ плотію, — выходилъ монахъ, подвижникъ христіанскій. Въ начавшейся борьбѣ этихъ двухъ богатырей юное христіанское древне-русское общество скоро стало на сторону второго, такъ какъ не столько разумомъ своимъ поняло, сколько сердцемъ почувствовало, что его подвигъ выше, труднѣе, лучше подвига перваго богатыря. Это общее сочувствіе народа новому богатырю заставило перваго признать себя побѣжденнымъ, снять свой желѣзный панцырь и надѣть на себя другой, вышій по помятымъ обществу, — монашескую мантию. Илія Муромецъ сложилъ свои могучія кости подъ сѣнію Кіево-Печерскаго монастыря...

Теперь мы можемъ понять, сколько реальной правды заключалось въ словахъ нашего перваго лѣтописца-современника, который говоритъ: „Стефану“, т. е. преемнику Θεодосія, перваго игумена Кіево-Печерскаго монастыря, „былъ переданъ въ управленіе монастырь и блаженное стадо, собранное Θεодосіемъ и состоящее изъ чернцовъ, сіяющихъ, на подобіе свѣтилъ на Руси“... Кіево-Печерскій монастырь сіяніемъ высокихъ нравственныхъ подвиговъ, явленныхъ его первыми иноками, оказалъ могучую помощь христіанскому солнцу для разсѣянія того тумана, той тьмы, которая окружала русскую землю, освѣщенную пока на однихъ только своихъ вершинахъ.

Благодаря такому своему исключительному положенію и значенію, Кіево-Печерскій монастырь произвелъ неотразимое, глубокое впечатлѣніе не только на современниковъ его происхожденія, но и на отдаленныхъ потомковъ ихъ. Та величайшая сила человѣческаго духа, которую явили первые русскіе монахи въ подземномъ, пещерномъ Кіевскомъ монастырѣ, неудержимо влекла и теперь влечетъ симпатіи русскаго народа къ Кіево-Печерскому монастырю. Сила эта нисколько не умалилась и не ослабѣла даже и въ то время,

когда внѣшность Кіево-Печерскаго монастыря утратила прежнюю свою красоту, когда монастырскіе храмы и стѣны лежали въ развалинахъ. Наоборотъ, въ періодъ чуждаго владычества въ южной Руси сила нравственнаго вліянія Кіево-Печерскаго монастыря сіяла еще ярче прежняго; тогда онъ былъ истиннымъ фокусомъ, въ которомъ слились лучшіе лучи русской народной образованности...

Такому значенію Кіево-Печерскаго монастыря въ исторіи русскаго народа не соответствуетъ отношеніе русской исторической и, въ частности, церковно-исторической науки къ этому монастырю. Не смотря на то, что Кіево-Печерскій монастырь послужилъ колыбелью русской исторіи, самъ онъ еще не имѣетъ своей исторіи и терпѣливо ждетъ ея. До самаго конца XVIII в. русское общество довольствовалось по исторіи Кіево-Печерскаго монастыря отрывочными рассказами нашего первоначальнаго лѣтописца, отдѣльными повѣстями Патерика и всевозможными передѣлками этого послѣдняго на русскомъ и даже польскомъ языкѣ. Синописецъ Кіевскій,—этотъ первый опытъ національной систематической обработки русской исторіи, при многихъ другихъ существенныхъ недостаткахъ, имѣетъ еще и тотъ важный недостатокъ, что удѣляетъ мало мѣста и вниманія Кіево-Печерскому монастырю, особенно въ позднѣйшія времена его жизни.

Только въ самомъ концѣ XVIII в. явился первый опытъ, но и то не исторіи, а описанія Кіево-Печерскаго монастыря, извѣстнаго съ именемъ Кіевскаго митрополита Самуила Миславскаго. Описаніе это слишкомъ краткое, не имѣющее вида и признаковъ ученаго произведенія. Вскорѣ послѣ того, въ 20-хъ годахъ XIX в. появился первый опытъ научнаго труда по исторіи Кіево-Печерскаго монастыря. Разумѣемъ „Описаніе Кіево-Печерской Лавры, съ присовокупленіемъ разныхъ грамотъ и выписокъ, объясняющихъ

ное, также плановъ лавры и обѣихъ пещеръ“ (Кіевъ. 1826 г.), составленное митрополитомъ Кіевскимъ Евгеніемъ (Болховитиновымъ). И этотъ трудъ посвященъ преимущественно внѣшнему описанію монастыря, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на первыя времена его существованія и современное автору состояніе его. Для настоящаго времени въ этомъ трудѣ цѣнными являются многочисленныя „прибавленія“ его.

Въ недавнее сравнительно время (въ 1886 г.) явилось новѣйшее „Описаніе Кіево-Печерской лавры“ протоіерея П. Г. Лебелинпева. Но и этотъ трудъ не столько научный, сколько популярный, рассчитанный на распространеніе въ широкой публикѣ.

Итакъ, если не считать вполнѣ научныхъ, но мимоходныхъ и частныхъ замѣчаній по исторіи Кіево-Печерскаго монастыря, какія находятся въ общихъ систематическихъ курсахъ по исторіи русской церкви (митроп. Макарія Будгакова, проф. Е. Е. Голубинскаго), то придется признать, что мы доселѣ не имѣемъ исторіи Кіево-Печерскаго монастыря, соответствующей важности этого послѣдняго и удовлетворяющей требованіямъ современной церковно-исторической науки.

Начало составленію научной исторіи Кіево-Печерскаго монастыря положено въ самое недавнее время... но не у насъ, въ Россіи, а за-границею. Въ настоящемъ году появилось въ печати сочиненіе К. Л. Гётца подъ заглавіемъ: „Das Kiever Höhlenklöster, als kulturzentrum des vormongolischen Russlands“... Авторъ новѣйшей работы по исторіи Кіево-Печерскаго монастыря—профессоръ Боннскаго университета, старокатолическій священникъ. Онъ хорошо знаетъ и любитъ славянскій и русскій языки, а также славянскую и древне-русскую литературу. Въ сравнительно обширномъ предисловіи къ своему труду по исторіи Кіево-Печерскаго монастыря проф. Гётцъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что

нѣмецкая наука и нѣмецкіе ученые мало интересуются славянскою и восточно-европейскою культурою. По мнѣнію проф. Гётца, эта культура имѣетъ въ себѣ немало самобытнаго, оригинальнаго,—словомъ, такого, что можетъ не только интересовать нѣмецкую науку, но даже и оказаться для нея далеко не бесполезнымъ. То и другое проф. Гётцъ испыталъ на самомъ себѣ, встрѣтившись съ едва преодолимыми трудностями на пути къ достиженію поставленной имъ себѣ цѣли—изученію древне-русской исторіи и культуры. Нѣмецкія бібліотеки оказались совершенно бѣдными и недостаточными по этой отрасли знанія. Проф. Гётцъ однакоже не остановился ни предъ какими препятствіями, предпринялъ для ближайшаго изученія предмета своихъ занятій путешествіе въ Россію. Между прочимъ, онъ былъ въ Кіевѣ и довольно долго проживалъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, древнѣйшія судьбы которой такъ интересуютъ его.

Испытавши на самомъ себѣ и пользу и удовольствіе отъ знакомства съ древне-русскою культурою, равно какъ и трудности съ какими сопряжено это знакомство для нѣмецкаго ученаго, проф. Гётцъ теперь въ томъ же предисловіи къ своему труду по исторіи Кіево-Печерскаго монастыря выражаетъ желаніе, чтобы въ нѣмецкихъ университетахъ было обращено болѣе серьезное вниманіе на изученіе русскаго языка, а также на чтенія по исторіи и этнографіи восточной Европы. Съ тою же цѣлію онъ рекомендуетъ основать особый органъ для изученія восточно-европейской культуры (*Zeitschrift für dieses Wissenschafts — und Kulturgebiet*, стр. XXX).

Идя на встрѣчу совершенно уже назрѣвшей потребности болѣе близкаго знакомства для нѣмецкаго общества съ особенностями русской культурной жизни, проф. Гётцъ, кромѣ монографіи по исторіи Кіево-Печерскаго монастыря, обѣщаетъ въ будущемъ издать еще два изслѣдованія, которыя, судя по заглавіямъ, будутъ посвящены важнѣйшимъ вопро-

намъ въ области древне-русской образованности: „о отноше-
ніи государства къ церкви въ Киевской Руси“ и „о нѣ-
которыхъ древне-русскихъ частныхъ каноническихъ памят-
никахъ“. Въ свою очередь, эти изслѣдованія вмѣстѣ съ
монографіей по исторіи Киево-Печерскаго монастыря должны
лужить, по мысли проф. Гётца, подготовительными работами
для болѣе обширнаго труда на тему: „христіанство и куль-
тура въ Киевской Руси“ (Christentum und Kultur in Kie-
ser Russland). „Я думаю“, совершенно справедливо замѣчаетъ
проф. Гётцъ, „что подобнаго рода работа будетъ имѣть
ажное значеніе для нѣмецкой исторической литературы, по-
тому что эта тема, какъ и другое многое изъ русской исто-
ріи, совершенно не разработана еще на нѣмецкомъ языкѣ“
(стр. XVІІ). Для этой послѣдней своей работы проф. Гётцъ,
о его заявленію, собралъ уже значительные матеріалы.

Едва ли стоитъ упоминать о томъ, какой живой и су-
щественный интересъ будутъ представлять труды, надъ ко-
рыми работаетъ проф. Гётцъ, для русскихъ историковъ и
особенности для насъ, кіевлянъ. Помня, что такіа
емы, какъ „отношеніе государства къ церкви въ домон-
ольскій періодъ русской исторіи“, или „взаимное отноше-
іе между древне-русскимъ язычествомъ и христіанствомъ,
жду прежнимъ народно-языческимъ міросозерцаніемъ и но-
ымъ христіанскимъ характеромъ русской жизни“ весьма
ало,—чтобы не сказать болѣе,—разработаны и въ нашей
усской учено-исторической литературѣ, здѣсь будетъ имѣть
ажное значеніе и та точка зрѣнія, какую установить на
инный предметъ, равно какъ и та оцѣнка его, какую сдѣ-
летъ нѣмецкій профессоръ, который будетъ имѣть возмож-
ость разсматривать любопытные сюжеты русской церковной
сторіи съ далекой и свободной перспективы. А какъ серьезно
лгутъ быть разработаны указанные предметы проф. Гёт-
мъ въ его будущихъ монографіяхъ, за это ручается его

трудъ, подлежащій нашему ближайшему разсмотрѣнiю теперь.

Трудъ проф. Гётца о Кіево-Печерскомъ монастырѣ, какъ центръ русской до-монгольской культуры, распадается на двѣ, почти равныя, части.

Въ первой части (§§ 1—27, стр. 1—108) излагается собственно внѣшняя исторiя Кіево-Печерскаго монастыря отъ основанiя его и до нашествiя татаръ на Россiю (1051—1240 г.).

Эта первая часть книги, въ свою очередь, распадается на три отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ (§ 1—3) авторъ разсуждаетъ о происхожденiи и характерѣ первоначальныхъ монастырей въ Россiи, о началѣ древнѣйшихъ русскихъ монастырей въ собственномъ смыслѣ этого слова и отношенiи Кіево-Печерскаго монастыря къ этимъ болѣе древнимъ монастырямъ въ Россiи; во второмъ отдѣлѣ (§§ 4—12) подробно излагается исторiя основанiя и первоначальнаго устройства Кіево-Печерскаго монастыря, въ связи съ описанiемъ жизни и дѣятельности преподобныхъ основателей его—Антонiя и Феодосiя и ихъ сподвижниковъ; въ третьемъ отдѣлѣ (§§ 13—27), послѣ краткаго общаго обзора исторiи Кіево-Печерскаго монастыря со времени смерти препод. Феодосiя до татарскаго нашествiя и характеристики внѣшняго и внутренняго состоянiя его въ это время, описывается жизнь и дѣятельность 14 игуменовъ Кіево-Печерскаго монастыря, бывшихъ послѣ преподоб. Феодосiя до татарскаго нашествiя.

Изъ всѣхъ трехъ отдѣловъ первой части книги наибольшій интересъ представляетъ первый. Что касается второго и третьяго отдѣловъ, то о нихъ можно сказать одно только то, что они составлены на основанiи полнаго, весьма тщательнаго, добросовѣстнаго и строго критическаго изученiя литературы предмета. Авторъ здѣсь пользуется не только такими первоисточниками, какъ Кіево-Печерскiй патерикъ и

первоначальная наша лѣтонисъ, не только такими классическими и первостепенными сочиненіями, какъ труды митрополита Макарія и проф. Е. Е. Голубинскаго по исторіи русской церкви, или изслѣдованіе Шахматова о патерикѣ, Яковлева, Казанскаго и Соколова (о православномъ греческомъ и русскомъ монашествѣ), но даже самыми новѣйшими русскими изслѣдованіями, притомъ не только прямо относившимися къ предмету его работы (Абрамовича о патерикѣ), но и по нѣкоторымъ совершенно частнымъ вопросамъ (проф. Петрова о топографіи Кіева, проф. Димитріевскаго о богослуженіи, архим. Иннокентія о постриженіи въ монашество), и не только отдѣльными сочиненіями, но даже и новѣйшими журнальными статьями, напечатанными въ самое послѣднее время (въ 1903 году) въ нашихъ періодическихкихъ—духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ. Отмѣчаемъ эту особенность труда проф. Гетца нарочито для того, чтобы показать, насколько усердно и добросовѣстно онъ трудился надъ воспроизведеніемъ исторіи Кіево-Печерскаго монастыря, надъ разрѣшеніемъ трудныхъ и недоумѣнныхъ вопросовъ, надъ уясненіемъ сложныхъ, запутанныхъ, иногда сомнительныхъ фактовъ въ этой исторіи.

Первый же отдѣлъ первой половины отличается, кромѣ того, и новизною, оригинальностію сужденій, какія здѣсь высказываетъ нѣмецкій историкъ Кіево-Печерскаго монастыря по вопросу о происхожденіи первыхъ монастырей въ Россіи. Проф. Гётцъ не соглашается съ тѣмъ мнѣніемъ по данному вопросу, какое установилось въ нашей наукѣ въ послѣднее время, подъ вліяніемъ проф. Голубинскаго. Известно, что проф. Голубинскій прототипъ древнихъ русскихъ монастырей видитъ въ такъ называемыхъ вольныхъ монашескихъ слободахъ, состоявшихъ изъ отдѣльных келлій, которыя строились около церквей, на ихъ погостахъ, и въ которыхъ жили люди, желавшіе удалиться изъ міра, въ всѣ

нихъ правилъ и опредѣленной общественной организаціи. Проф. Гётцъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ главнымъ образомъ потому, что среди массы первоначальныхъ русскихъ христіанъ, настроенныхъ по-язычески, благодаря вышнему и формальному усвоенію новыхъ христіанскихъ идей, жившихъ „двоевѣрно“ и державшихся языческихъ обрядовъ, не могло быть еще потребности въ монашествѣ, а слѣдовательно, не могло быть въ первое время послѣ введенія христіанства въ Россіи и русскихъ монастырей въ какомъ бы то ни было видѣ.

Самъ проф. Гётцъ первыми монастырями, явившимися въ Россіи, признаетъ тѣ епископскіе дома и тѣ жилища для священнослужителей, которые построилъ св. Владиміръ для греческаго духовенства, призваннаго имъ для распространенія христіанства среди русскаго народа и состоявшаго, какъ думаетъ проф. Гётцъ, исключительно изъ лицъ монашескаго званія. „Когда“, говоритъ онъ, „были построены первыя церкви (въ Россіи), то должны были быть устроены также и жилища для духовенства, для епископовъ, священниковъ и членовъ низшаго клира. Въ этихъ архіерейскихъ домахъ (*bischoflichen Residenzen*), въ этихъ домахъ для священниковъ и клириковъ мы и можемъ видѣть первыя монастыри, т. е. жилища (*Wobslätten*) монашествующихъ иппціонеровъ Россіи“ (стр. 4).

Только уже сынъ Владиміра св.—Ярославъ Мудрый начинаетъ строить монастыри въ собственномъ смыслѣ слова, которые представляли точную копію греческихъ императорскихъ монастырей (стр. 9) и въ которыхъ настоятели и известная часть монаховъ были не-русскаго происхожденія (стр. 12).

Первымъ русскимъ въ собственномъ смыслѣ этого слова монастыремъ, основаннымъ и устроеннымъ самими русскими монахами, хотя и по греческому примѣру (стр. 12),

былъ Кіево-Печерскій монастырь. Проф. Гётцъ подробно останавливается на уясненіи отношенія этого послѣдняго монастыря къ древнѣйшимъ русскимъ монастырямъ.

Съ изложенною сейчасъ теоріею проф. Гетца, *придуманною имъ* для объясненія способа происхожденія первыхъ монастырей въ Россіи, никакъ нельзя согласиться по весьма многимъ соображеніямъ. и главнымъ образомъ потому, что она ничуть не объясняетъ того факта, *для котораго придумана*. Того самобытно русскаго пещернаго монашества, которому начало у насъ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи положили наши первые русскіе иноки (м. Иларіонъ, Антоній, Феодосій и др.), никакъ нельзя вывести изъ архіерейскихъ домовъ, или квартиръ перваго русскаго духовенства, или даже княжескихъ монастырей, населенныхъ греческими монахами...

Съ другой стороны, весьма спорнымъ должно быть признано и то положеніе автора, что, будто бы, среди первоначальнаго христіанскаго русскаго общества, настроеннаго и жившаго по-язычески, не могла явиться потребность въ монашествѣ. Наоборотъ, какъ намъ кажется, грубость нравовъ, существовавшихъ въ мірѣ среди первоначальнаго христіанскаго общества русскаго, настроеннаго по-язычески, не должна ли была служить тѣмъ бѣльшимъ побужденіемъ для людей высоко-идеально настроенныхъ, принимавшихъ христіанство по искренней любви къ нему, ревновавшихъ о его славѣ, чистотѣ и распространеніи среди русскаго народа, къ удаленію отъ грѣшнаго міра въ пещеры и затѣмъ монастыри... Кромѣ того, языческая настроенность среди русскихъ христіанъ имѣла мѣсто, какъ мы знаемъ, и позже, въ XII, XIII, XIV, даже XV и XVI в.в. ... Но можно ли на этомъ основаніи говорить объ отсутствіи среди русскихъ христіанъ того времени потребности въ монашествѣ и монастыряхъ?...

Еще бѣльшій интересъ представляетъ вторая половина книги проф. Гётца, гдѣ онъ спеціально разъясняетъ значе-

ше Кіево-Печерскаго монастыря для до-монгольской Россіи (§§ 28—41, стр. 109—215). Эта часть состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ (§§ 28—30) авторъ указываетъ условія, на которыхъ основывалось исключительное культурное значеніе Кіево-Печерскаго монастыря, именно его религіозный и социально-экономическій авторитетъ. Во второмъ отдѣлѣ (§§ 31—37, стр. 140—190) изображается разносторонняя дѣятельность иноковъ монастыря—религіозно-просвѣдительная, церковно-общественная и благотворительная. Въ третьемъ отдѣлѣ (§§ 38—39, стр. 190—208) разъясняются отношенія Кіево-Печерскаго монастыря съ другимъ факторамъ церковно-государственной жизни въ до-монгольской Россіи и, наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ (§§ 40—41, стр. 208—216) опредѣляется національно-русскій характеръ монаховъ и всей дѣятельности Кіево-Печерскаго монастыря.

Вторая половина книги проф. Гётца составляетъ безпорно центральную часть ея. Она, какъ и первая часть книги, написана авторомъ на основаніи самаго тщательнаго изученія соотвѣствующей литературы. Отъ вниманія проф. Гётца не ускользнулъ и тотъ живой полемическій обменъ мыслей по вопросу объ отношеніи русскаго монашества къ обществу, какой происходилъ въ самое послѣднее время въ нашей періодической литературѣ. Знакомство съ этою литературою самымъ благопріятнымъ образомъ отразилось на сужденіяхъ автора по вопросу о культурномъ значеніи Кіево-Печерскаго монастыря для до-монгольской Россіи.

Кромѣ того, здѣсь проф. Гётцъ обнаружилъ глубокую идумчивость, такъ сказать, вглядчивость въ трактуемый предметъ. Это дало ему возможность подмѣтить и разъяснить такія стороны въ характерѣ и значеніи Кіево-Печерскаго монастыря для до-монгольской Руси, которыя ускользнули отъ вниманія даже такого глубокомысленнаго нашего источника, какъ проф. Голубинскій. Съ нѣкоторыми сужденіями,

высказываемыми адѣсь проф. Гётцомъ, мы не можемъ согласиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны отдать полную дань его научной объективности и безпристрастію. За исключеніемъ двухъ мѣстъ, во 1-хъ) того, гдѣ проф. Гётцъ рассматриваетъ Киево-Печерскій патерикъ, какъ *Legendenbuch* (см. стр. 63, 71 и др.), какъ *Legendarium des Höhlenklosters*, и во 2-хъ) того, гдѣ онъ древне-русскіе монастыри въ культурномъ отношеніи ставитъ ниже греческихъ и латинскихъ монастырей (см. стр. 128), безъ всякой оговорки того, что онъ сравниваетъ буквально несравнимыя историческія величины, изъ коихъ одна (русскіе монастыри во главѣ съ Киево-Печерскимъ) имѣла десятилѣтнюю давность, а другая (греческіе и латинскіе монастыри) располагала уже тысячелѣтнею традиціею,—за исключеніемъ повторяемъ, этихъ двухъ и еще, быть можетъ, нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, автора новѣйшаго труда по исторіи Киево-Печерскаго монастыря нельзя упрекнуть въ научномъ пристрастіи, или, быть можетъ, простомъ недосмотрѣ. Мы кажется, не ошибемся, если скажемъ, что нѣмецкое образованное общество, для котораго книга проф. Гётца назначена преимущественно, получить, на основаніи ея, ясное, полное и вѣрное представленіе о Киево-Печерскомъ монастырѣ въ первые два вѣка его существованія и вообще о древне-русскомъ монашествѣ.

Но изслѣдованіе проф. Гётца представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ даже и для русскихъ читателей. Помимо того, что оно даетъ полный свѣдѣній о Киево-Печерскомъ монастырѣ въ до-монгольскій періодъ русской исторіи, вполне удовлетворяющихъ требованіямъ научнаго характера, въ немъ есть немало оригинальнаго и потому заслуживающаго вниманія даже специалистовъ.

Въ первой части изслѣдованія, кромѣ уже разсмотрѣннаго нами мнѣнія проф. Гётца о происхожденіи первыхъ

русскихъ монастырей, можно еще указать на § 9-й, какъ замѣчательный въ этомъ отношеніи (см. стр. 37—42: „Demokratisierung des Klosters, Armenpflege, Theodosius und Fürst). Здѣсь авторъ говоритъ о народномъ („демократическомъ“) характерѣ, которымъ отличался Кіево Печерскій монастырь среди другихъ первоначальныхъ русскихъ монашескихъ обителей и который былъ приданъ ему преп. Антоніемъ и особенно препод. Феодосіемъ, истиннымъ организаторомъ его. Основное положеніе, доказываемое проф. Гётцомъ въ этомъ §, можно сказать, общезвѣстно. Кіево-Печерскій монастырь, дѣйствительно, отличался строго народнымъ характеромъ. Однакоже, при подробномъ раскрытіи этого положенія, проф. Гётцъ отбѣняетъ такія детали, выставляетъ на видъ такія стороны въ жизни Кіево-Печерскаго монастыря, которыя, безъ сомнѣнія, содѣйствуютъ возможно полному опредѣленію, такъ сказать, духовной фізіономіи этого посѣдняго.

Первое обнаруженіе народного характера Кіево-Печерскаго монастыря проф. Гётцъ видитъ въ томъ, что монашеское братство его набиралось изъ представителей всѣхъ классовъ, званій и состояній русскаго общества. Этимъ Кіево-Печерскій монастырь замѣтно и существенно отличался отъ другихъ древне-русскихъ монашескихъ обителей. Эта черта въ жизни Кіево-Печерскаго монастыря начинаетъ обнаруживаться со времени вступленія въ должность его игумена преп. Феодосія. „Первые монахи обители“, говоритъ проф. Гётцъ, „набирались большею частію изъ людей, принадлежавшихъ къ высшимъ сословіямъ (Ständen) Кіева. Для примѣра можно назвать хотя бы Варлаама, Ефрема, Никона и ихъ сподвижниковъ (Reisebegleiter). При вступленіи преп. Феодосія въ должность игумена, монастырское братство было еще небольшое, насчитывавшее двадцать монаховъ. При Феодосіи оно, по свидѣтельству лѣтописи, увеличивается до 100 человекъ. Причина такого увеличенія монашескаго братства заключа-

лась, съ одной стороны, въ естественномъ ростѣ монастыря; но еще болѣе оснований мы имѣемъ для того, чтобы эту причину видѣть въ томъ, что преп. Феодосій, при приѣмѣ братьевъ въ монастырь, не былъ такъ строгъ (exklusiv). Мотивъ, какимъ онъ руководился въ данномъ случаѣ, заключался въ томъ приѣмѣ, какой онъ, какъ бѣдный человѣкъ, нашелъ въ свое время у воротъ княжескихъ монастырей Кіевскихъ. Всѣхъ, кто желалъ сдѣлаться монахомъ и приходилъ къ нему, былъ ли то бѣдный, или богатый человѣкъ, онъ не отсылалъ назадъ, но всѣхъ принималъ съ полною готовностію. Онъ принималъ всѣхъ, потому что по себѣ зналъ, какую скорбь причиняетъ человѣку, желающему сдѣлаться монахомъ, пренебрежительное отношеніе къ нему: посему онъ съ радостию принималъ всѣхъ, кто приходилъ къ нему. Но, разумѣется, это такъ сказать „демократизированіе“ братства не исключало заботливаго испытанія кандидатовъ монашества относительно того, дѣйствительно ли они имѣютъ призваніе къ монашеству, равно какъ и прямого удаленія недостойныхъ монаховъ изъ монастыря, о чемъ находимъ свидѣтельство у Нестора“ и т.д. (см. стр. 37—38).

„Но такимъ образомъ дѣйствій преп. Феодосія“, продолжаетъ проф. Гётцъ, „были видимо недовольны старшіе братья, особенно тѣ, которые происходили изъ высшаго общества. Начались ропотъ и неудовольствіе противъ Феодосія, который вынужденъ былъ въ одной изъ своихъ проповѣдей обличать за это недовольныхъ монаховъ. Такимъ образомъ благодаря заботливому испытанію новиціатовъ, безъ обращенія вниманія на ихъ внѣшнее матеріальное положеніе, преп. Феодосій собралъ около себя братство, которое заключало въ себѣ лучшіе элементы народа и которое было способно сдѣлать монастырь духовнымъ и культурнымъ центромъ Кіева и вѣстѣ съ тѣмъ всей древней Россіи“ (см. стр. 39).

Съ другой стороны, это, если можно такъ выразиться, „демократизированіе“ монастыря, именно параллельное выбору монаховъ, выражалось, по мѣтнію проф. Гётца, въ самоотверженной дѣятельности обители на пользу того человѣческаго общества, среди котораго она находилась и изъ котораго она получала свои силы и свою мощь“... и далѣе авторъ, на основаніи свидѣтельства преп. Нестора, довольно подробно изображаетъ благотворительную дѣятельность и Киево-Печерскаго монастыря и, въ частности, лично самого преп. Θεодосія (см. стр. 39—40).

Наконецъ, еще даже болѣе ясное, чѣмъ широкое самоотверженіе преп. Θεодосія, выраженіе „демократическаго“ характера Киево-Печерскаго монастыря проф. Гётцъ видитъ въ той независимости, съ какою преп. Θεодосій держалъ себя въ отношеніи къ князьямъ, и въ той твердости, съ какою онъ выступалъ иногда противъ этихъ послѣднихъ. Интересно будетъ здѣсь послушать собственныя разсужденія проф. Гётца, основанныя на свидѣтельствахъ первоисточниковъ.

„Съ Пязславомъ“, говоритъ проф. Гётцъ, „преп. Θεодосій находился въ добрыхъ отношеніяхъ. Пязславъ очень часто приходилъ въ монастырь, принималъ участіе въ (братской) трапезѣ, приглашалъ также и преп. Θεодосія къ себѣ для бесѣды съ нимъ о духовныхъ предметахъ. Въ виду такихъ добрыхъ отношеній, существовавшихъ между преп. Θεодосіемъ и Пязславомъ, первый, понятно, сочувствовалъ сторонникамъ Пязслава, который былъ впоследствии изгнанъ своимъ братомъ Пязлавомъ (1069—1073 г.) и котораго онъ продолжалъ считать законнымъ княземъ, причемъ на сторону преп. Θεодосія открыто склоняется въ этомъ отношеніи и преп. Несторъ въ „житіи Θεодосія“. Преп. Θεодосій, не смотря на приглашенія, прекратилъ свои посѣщенія княжескаго дома, явно показывая свое недовольство Святославомъ (äusserte sich rücksichtslos gegen Svjatoslav) и когда приближенные къ князю люди (Vornehme) приходили въ

монастырь, то онъ приказывалъ передать объ этомъ Святославу и даже написалъ посланіе къ князю, съ обличеніемъ неправды, допущенной въ отношеніи къ Изяславу. Знатные и даже иноки стараются успокоить преп. Θεοδοσία. Въ связи съ эгимъ стоитъ и тотъ фактъ, что знатный элементъ среди монаховъ выходитъ изъ обители. Съ теченіемъ времени, когда преп. Θεοδοσίѳ, хотя онъ и не боялся гнѣва княжескаго, но увидѣлъ бесплодность своихъ горячихъ обличеній, соединеннымъ усиліямъ его монаховъ и друзей монастыря изъ среды княжескихъ бояръ удалось успокоить преп. Θεοδοσία. Дѣло дошло до того, что Святославъ посѣтилъ однажды монастырь и бесѣдовалъ съ преп. Θεοδοсіемъ, которому, впрочемъ, не удалось расположить Святослава къ примиренію съ Изяславомъ. Преп. Θεοδοσίѳ, между тѣмъ, оставался вѣренъ своему сочувствію дѣлу Изяслава и не только самъ лично молился за него, но даже и приказалъ въ церковныхъ молитвахъ во время поминовенія именовать Изяслава законнымъ княземъ. Позже онъ уступилъ просьбамъ монаховъ о томъ, чтобы и имя Святослава также упоминалось во время молитвъ, но только на второмъ мѣстѣ послѣ Изяслава. Преп. Несторъ даетъ ясно видѣть, что такое поведение Θεοδοσία (diese Politik des Theodosius) вызвало споры и волненія въ монастырѣ. Никонъ и съ нимъ еще два монаха снова оставили обитель и удалились въ Тмутаракань... Этотъ конфликтъ между Θεοδοсіемъ и Святославомъ представляетъ параллель такому же столкновенію между Антоніемъ и Изяславомъ. Тамъ Изяславъ пытался подавить возростающую силу монастыря, а здѣсь Святославъ долженъ былъ считаться съ усилившимся уже вліяніемъ монастыря и Θεοδοσία на народъ и свои дѣйствія въ этомъ отношеніи сообразовать съ нимъ“ (см. стр. 40—42).

Такую серьезную справку, основанную на тщательномъ анализѣ источниковъ, даетъ проф. Гётцъ въ поясненіе глагому и краткому упоминанію лѣтописи о неудовольствіи, ка-

кое возникло между Кіево-Печерскимъ монастыремъ и представителями высшей гражданской власти древней Руси при жизни основателей и устроителей перваго.

Такимъ же характеромъ—преимущественно положительной, серьезной, тщательной, вдумчивой и всесторонней исследовательности—отличается, можно сказать, и вся вторая половина сочиненія проф. Гётца. А самая тема, трактуемая имъ въ этой части своего изслѣдованія, дѣлаетъ ее еще болѣе интересною и занимательною.

Не имѣя никакой возможности въ краткой библиографической замѣткѣ изложить въполнѣ содержаніе второй половины сочиненія проф. Гётца, мы позволяемъ себѣ здѣсь ограничиться указаніемъ только основныхъ пунктовъ ея.

Здѣсь онъ, прежде всего, выясняетъ условія, на которыхъ основывалось исключительное значеніе Кіево-Печерскаго монастыря въ до-монгольской Руси. Условія эти, по мнѣнію проф. Гётца, заключались, съ одной стороны, въ характерѣ отдѣльных иноковъ, а съ другой стороны, въ богатствѣ и капиталѣ—духовномъ и матеріальномъ—всего вообще монастыря (стр. 109—112). Нарисовавъ затѣмъ образъ (внѣшній и духовный) инока Кіево-Печерскаго монастыря во весь его ростъ и охарактеризовавъ его подвижническую и трудовую жизнедѣятельность (стр. 113—128) и представивъ довольно полную картину расширенія владѣній Кіево-Печерскаго монастыря путемъ пожертвованій, занятія пустопорожнихъ земель и колонизаціи (стр. 128—140), проф. Гётцъ подробно и съ чисто нѣмецкою пунктуальностію описываетъ разностороннюю дѣятельность (Thätigkeit) монастыря, какъ онъ выражается. Здѣсь онъ описываетъ домашнія и ручныя работы Кіево-Печерскихъ монаховъ внутри монастыря и на его владѣніяхъ, а именно: садоводство, плодоводство, хлѣбопашество, мельничное производство, хлѣбопеченіе, скотоводство, рыболовство и другія, причемъ попутно дается характеристика самаго производства этихъ, такъ сказать, матеріаль-

ныхъ и внѣшнихъ монашескихъ работъ, распределенія ихъ между иноками и т. п. (стр. 141—145).

Съ такою же тщательностію изображается проф. Геццомъ и „духовно-религіозная“, какъ онъ выражается, дѣятельность монаховъ и пригомъ какъ внутренняя, такъ и внѣшняя. Внутренняя „духовно-религіозная“ дѣятельность иноковъ Киево-Печерскаго монастыря выражалась въ ихъ занятіяхъ наукою, авторствомъ (Schriftstellerei) и живописью. Весьма любопытна попытка проф. Гецца воспроизвести составъ библиотеки Киево-Печерской обители до-монгольскаго періода, составъ книгъ, какія чигали иноки ея и умственный кругозоръ Киево-Печерскаго инока сравнительно съ монахами греческими и латинскими (стр. 145—158). Внѣшняя „духовно религіозная“ дѣятельность Киево-Печерскихъ иноковъ выражалась въ ихъ душепастырствѣ, духовничествѣ и учительствѣ. § 34, гдѣ изображается эта дѣятельность Киево-Печерскихъ иноковъ, представляетъ интереснѣйшій этюдъ въ книгѣ проф. Гецца не только по оригинальности суждений, но также и по вѣрности и ясности (особенно для иностраннаго ученаго) представленія имъ любопытнаго предмета. Этюдъ этотъ служить, по нашему мнѣнію, лучшею рекомендаціей тщательности, съ какою авторъ изучилъ избранный предметъ [стр. 159—165]. Далѣе слѣдуетъ описаніе благотворительной и соціальной дѣятельности Киево-Печерскихъ иноковъ: ихъ заботы о больныхъ, бѣдныхъ и плѣнныхъ, ихъ общественная дѣятельность; здѣсь же Киево-Печерская обитель изображается, какъ излюбленное древне-рускимъ киевскимъ обществомъ мѣсто погребенія. Особенно оригиналенъ и любопытенъ, по нашему мнѣнію, содержащійся въ этой главѣ книги экскурсъ автора въ область воспроизведенія медицинскихъ знаній и пріемовъ Киево-Печерскихъ иноковъ, ярко обнаруживающій весьма внимательное изученіе авторомъ Киево-Печерскаго патерика (стр. 168—173). Инымъ характеромъ (легковѣснымъ и поверхностнымъ) отличаются

соображенія автора по поводу того, почему древне-русскіе люди всѣхъ классовъ и званій старались быть погребенными въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ (см. стр. 165—181).

Весьма выпукло рисуется авторомъ также заслуга Кіево-Печерскихъ иноковъ на миссіонерскомъ поприщѣ (стр. 186—189). Особенною же оригинальною отличается отдѣлъ второй части книги, посвященный характеристикѣ отношенія Кіево-Печерскаго монастыря къ другимъ факторамъ гражданской (князьямъ, высшему классу общества и народу) и духовной (митрополиту, епископамъ, монастырямъ и духовенству) жизни Кіевской Руси (стр. 190—208).

Вторая глава книги заканчивается живымъ и мастерскимъ изображеніемъ національно-русскаго характера обители и ея монаховъ, причемъ особенное вниманіе обращено на уясненіе національно-русскаго значенія всей дѣятельности Кіево-Печерскаго монастыря и его иноковъ.

Изслѣдованіе проф. Гѣтца снабжено 4 приложеніями а) спискомъ игуменовъ и архимандритовъ Кіево-Печерскаго монастыря 1073—1249 г.; б) спискомъ угодинокъ, починающихъ въ ближнихъ пещерахъ; в) спискомъ русскихъ іерарховъ, вышедшихъ изъ Кіево-Печерскаго монастыря и г) выписью изъ метрики п. Іеремія. а также указателемъ.

На основаніи всего сказаннаго, мы, съ своей стороны, книгу проф. Гѣтца признаемъ весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской церковно-исторической литературы и желаемъ ей возможно болѣе широкаго распространенія среди образованнаго русскаго общества, къ чему однако же важнымъ препятствіемъ, безъ сомнѣнія, послужитъ языкъ ея — нѣмецкій. Появленіе въ иностранной печати книги проф. Гѣтца въ то же самое время даетъ намъ весьма важный и instructивный урокъ, показывая, насколько назрѣла необходимость въ русской вполнѣ точной и истинно научной исторіи Кіево-Печерскаго монастыря...